

³⁵ Краткая история Вьета (Вьет шы лыок). Указ. соч. С. 195.

³⁶ *Chu Quang Trứ*. Mĩ thuật Lý Trần Mĩ thuật Phật giáo (Тю Куанг Чы. Искусство Ли-Чан — искусство буддизма). Hà Nội, 2001.

³⁷ Đại Việt sử ký toàn thư (Полное собрание исторических записок Дайвьета). Т. 2. Hà Nội, 1998. С. 25.

³⁸ *Nguyễn Tài Thư*. Nho học Việt Nam đầu thời kỳ độc lập và thời điểm thành lập Văn miếu ở Thăng Long // Kỷ yếu Hội thảo quốc tế «Nho giáo ở Việt Nam» (Нгуен Тай Тхы. Конфуцианство во Вьетнаме в начале периода независимости и время создания Ванмиеу в Ханое // Тезисы международной конференции «Конфуцианство во Вьетнаме»). Hà Nội, 2006. С. 98.

³⁹ Там же. С. 97.

⁴⁰ Там же. С. 99.

⁴¹ Краткая история Вьета (Вьет шы лыок). Указ. соч. С. 70, 72.

⁴² *Poliakov A.B.* Về vấn đề thời điểm xây dựng Văn miếu ở Thăng Long và khởi đầu sự phát triển Nho giáo ở Đại Việt (Поляков А.Б. К проблеме построения Литературного храма в Тханглонге и начале развития конфуцианства в Дайвьете). Tạp chí Khoa học. Hà Nội, 1988, № 3. С. 37—44.

⁴³ *Pôliacóp A.B.* Sự phục hưng của nước Đại Việt. Thế kỷ X—XIV (Поляков А.Б. Возрождение государства Дайвьет, X—XIV века). Hà Nội, 1996.

⁴⁴ *Polyakov Alexey.* Vai trò của Nho giáo ở Đại Việt thời Hậu Lý Sơ (1009—1127) // Hội thảo quốc tế «Nghiên cứu tư tưởng Nho gia Việt Nam» (Поляков Алексей. Роль конфуцианства в Дайвьете в период правления Первых Поздних Ли // Международная конференция Изучение конфуцианской идеологии во Вьетнаме (Международная конференция). Hà Nội. 2009. С. 689—704.

⁴⁵ Đại Việt sử ký toàn thư (Полное собрание исторических записок Дайвьета). Т. 2. Hà Nội, 1998. С. 36.

А.Н. Хохлов

РОССИЙСКИЕ ДИПЛОМАТЫ О НЕЗАВИСИМОМ СТАТУСЕ ВЬЕТНАМА В 70—80 гг. XIX в. (по архивным и опубликованным данным)

О появлении заметного интереса россиян к Вьетнаму во второй половине XIX в. позволяют судить, например, записи в парижском дневнике Константина Адриановича Скачкова (1821—1883)¹, отправленного дипломатическим курьером в столицу Франции в 1857 г. после его возвращения в С.-Петербург из Пекина, где он находился в качестве светского члена при Российской духовной (православной) миссии с 1850 г.² Для характеристики писем приведем лишь пару дневниковых сообщений, где в записи от 3 января 1858 г. сказано о том, что при передаче письма Н.П. Боткину по случаю предстоящего отъезда последнего из Парижа К.А. Скачков получил от некоего Мамонтова в подарок книгу с описанием Кохинхины и Тонкина. 10 марта российский дипломат-китаист посетил «Коллеж де Франс» (College de France), где беседовал с руководителем этого учебного заведения Станиславом Жульеном и его коллегами-преподавателями, занимавшимися обучением студентов восточным языкам³. В период пребывания в Париже К.А. Скачков смог лично познакомиться со многими другими учеными, связанными с разработкой китайской тематики.

При повторном посещении Франции К.А. Скачков 19 октября 1867 г. выехал (с женой и детьми) из Марселя и, следуя морским путем в Китай, 23 ноября в 3 часа ночи прибыл в Сай-

гон, оставив этот порт лишь 25 ноября в указанное выше ночное время. Нетрудно предположить, что, несмотря на краткое пребывание во Вьетнаме, он как востоковед не мог не проявить интереса к этой малоизвестной стране.

Примером научного интереса в России к Вьетнаму и другим странам Юго-Восточной Азии может служить следующая запись в печатном экземпляре Журнала годового собрания членов Оренбургского отдела Российского Географического Общества от 13 января 1882 г.: «Выписаны на средства Общества ... брошюра о Кохинхине и вид г. Сайгона»⁴.

Важным свидетельством растущего интереса россиян к Вьетнаму в последующие годы можно считать появление в 1877 г. в «Восточном сборнике», издаваемом российским внешнеполитическим ведомством, записок китайца Цай Тин-ланя об Аннаме, где он побывал проездом в г. Фучжоу (пров. Фуцзянь) в 1835 г. Русский перевод этих записок на китайском языке был выполнен членом Российской духовной миссии в Пекине иеромонахом Евлампием⁵.

Перевод китайского сочинения «Хай-нань цза-чжу» (с литературным для краткости названием «Записки китайца об Аннаме») был получен в Петербурге с донесением главы Российской духовной миссии архимандрита Палладия от 23 марта 1855 г. Высокую оценку этому труду, полученному в рукописи, дал ее первый рецензент известный китаевед В.П. Васильев (1818—1900), который в своем отзыве отметил: «Записки китайца, занесенного бурей в Аннамское государство (Кохинхину)» — перевод о. Евлампия — содержат дорожник почти через все это государство до границ Китая сухим путем и оттуда через самый Китай до провинции Фуцзянь. Кроме того, в конце описания своего странствования китаец делает краткое обозрение истории этой страны, нравов жителей и состояния промышленности. Конечно, из этих кратких замечаний нельзя ... извлечь подробного понятия о стране, но благодаря малому знакомству с Кохинхиной до новейшего времени, и этот дорожник есть уже немаловажное приобретение»⁶.

После возвращения из Пекина на родину Евлампий, как опытный переводчик, был направлен в Амурскую область для

миссионерской деятельности под руководством архимандрита Иннокентия Вениаминова (в миру Иван Евсеевич Попов, 1797—1879). О первых деловых контактах архимандрита Иннокентия с Евлампием, принимавшим в 1861 г. участие в работе русско-китайской комиссии по демаркации границы в Приморском крае, позволяет судить письмо архимандрита от 13 сентября 1861 г. из Хакодате к протоиерею Гавриилу Вениаминову⁷. Высокая оценка иеромонаха Евлампия как хорошего китаиста, на помощь которого особенно рассчитывал архимандрит Иннокентий в своих планах миссионерской деятельности на русском Дальнем Востоке и в Маньчжурии, дана в письме будущего церковного иерарха из Благовещенска от 2 мая 1864 г. на имя Н.Н. Муравьева⁸.

Ценный труд иеромонаха Евлампия «Записки китайца об Аннаме», вышедший в свет в 1877 г. в Петербурге (после смерти переводчика) был опубликован на французском языке в 1878 г. в Париже⁹.

Особого внимания исследователей истории Вьетнама и его внешних связей в 80-е годы XIX в., когда заметно активизировалась колониальная экспансия иностранных держав, заслуживают архивные материалы Российской дипломатической миссии в Пекине, ценность которых подтверждают приводимые ниже донесения российских дипломатов. Вот что сообщал, например, в С.-Петербург Поверенный в делах А.И. Кояндер¹⁰ 14/26 февраля 1880 г.: «В 1874 г. был заключен между Францией и Аннамом трактат, второю статьею коего эта последняя страна признавалась вполне независимой от какой-либо иностранной державы, и Франция обещала помощь и покровительство во всех внутренних и внешних затруднениях аннамского правительства, [причем] в обмен на это последнее обязывалось сообразовывать свою внешнюю политику с желаниями Франции...Начиная с 3-го века до Р.Х. Аннам постоянно и [порой] вполне принадлежал Китаю и управлялся его чиновниками, или же состоял в вассальных отношениях, выражавшихся в [получении] инвестиции Пекинского двора для вьетнамских королей и аккуратной присылке последними дани в Пекин... Правительство богдохана ныне обратило внимание на дошедшие до него из-

вестия о намерении Франции занять Вьетнам, и секретари Цзунлиямэня [Коллегии иностранных дел] передали драгоману французской миссии в Пекине записку, в коей заявлялось, что Китай считает Аннам своею територіею, а потому и не может оставаться вполне равнодушным к происходящему там»¹¹.

С другой стороны, небезынтересно и важное свидетельство, характеризующее политику Франции, которое приводит в своем донесении посланник в Пекине Е.К. Бюцов¹² 26 мая 1882 г.: «В апреле с.г. французский отряд, состоящий из нескольких рот пехоты, отправился из Сайгона морем к устью р. Сонкой (северная часть Аннама). Поднявшись по реке до г. Ханой, французы взяли его приступом и подчинили своему непосредственному управлению часть [этой] страны»¹³.

В плане выяснения реального характера «вассальной зависимости» Вьетнама от цинского Китая во второй половине XIX в. интересным представляется суждение, высказанное статским советником Карлом Вебером¹⁴ (будущим российским посланником в Корее) в его служебной записке от 6/18 сентября 1883 г., где было сказано: «В последнее время корейские и аннамские дела подали повод к обсуждению в печати, европейской и китайской, вопроса об отношениях Китая к окружающим его малым государствам. Наш Поверенный в делах [А.И. Кояндер] излагает по этому вопросу свои соображения, основанные на исторических данных и на установившихся ныне положениях международного права.

Отношения [цинского] Китая к мелким государствам, его окружающим, Аннаму, Корее, Бирме, Сиаму и прочим, объясняемые ныне китайскими сановниками в смысле верховного главенства [Китая], с одной стороны, и вассальности, с другой, сводились в сущности к номинальному покровительству, оказываемому Китаем поименованным [выше] мелким государствам, которые в свою очередь изъявляли ему одну лишь внешнюю почтительность. Покровительство Китая выражалось в признании им правителей этих государств [своими вассалами] и лишь иногда в материальной поддержке. Главенство [Китая] далее этого [фактически] не шло, и нередко случалось, что самому по-

кровителю приходилось жестоко терпеть от своих мнимых вассалов.

Отношения эти складывались веками. Они берут свое начало еще в цветущие времена средневековой китайской цивилизации, когда Китай имел неоспоримое обаяние среди [почти] диких народов, его окружавших. Превосходство [больше] осознавалось самим Китаем, который называл себя Срединною имперіею, разумея под этим то, что он занимает почти все пространство — в четырехугольной по его [традиционным древним] понятиям — земной поверхности, по краям которого кое-как разместились остальные варварские страны. Не далее как в прошлом столетии официальные описания Китая [включая своды законов и историко-географические труды — «дифан-чжи»] упоминали в числе прочих таких варварских стран, плативших дань Богдохану [императору], не только Аннам, Сиам и прочие [соседние государства], но и Англию, Францию и Россию. Воззрения эти не помешали, однако, [цинскому Китаю] в последние годы, когда произошли столкновения между мнимыми его вассалами с европейцами и когда [иностранцы] державы попытались привлечь китайское правительство к ответственности за действия этих вассалов, открыто и официально заявить об их полной независимости во внешних сношениях и неимении над ними никакой власти. Такие заявления были сделаны [цинским] Китаем относительно Кореи французскому правительству в 1866 г. и Соединенным Штатам в 1871 г.; точно также правительство богдохана устранило себя от вмешательства в отношения Бирмы и Великобритании в 1862 г., Аннама и Франции в 1874 г., Кореи и Японии в 1876 г.».

Как видно из последующего текста этого донесения (после некоторой редакторской правки и литографирования), в нем было сказано: «Все эти соображения приводят ст. сов. Вебера к заключению, что Корею и Аннам следует отнести к разряду государств, стоящих под покровительством, а не под властью другого [соседнего] государства, поэтому нельзя не признать их самостоятельности».

Не входя в рассмотрение вопроса о том, насколько такое признание входило бы в интересы собственно русской полити-

ки, наш Поверенный в делах выражает убеждение в том, что с постепенным развитием сношений иностранцев с покровительствуемыми [нынешним] Китаем государствами, их мнимая зависимость от Китая неизбежно исчезнет»¹⁵.

Для российского посланника в Пекине С.И. Попова¹⁶, внимательно следившего за развитием событий на Дальнем Востоке в 80-х гг. XIX в., в связи с обострением франко-китайских отношений из-за Вьетнама, весьма характерно заявление в его письме от 8 ноября 1883 г. к Д.Г. Анучину, генерал-губернатору Восточной Сибири, о том, что «аннамский вопрос вступил в критический фазис и даже грозит разрешиться войной»¹⁷.

Примечательно, что к этому письму была приложена копия сообщения Цзунлиамэня, переданного Российской дипломатической миссии в Пекине 4 ноября 1863 г., с разъяснением позиции цинского правительства. В этом документе, датированном 17 числом 10 луны 9-го года правления Гуан-сюй, говорилось: «Всеми миру известно, что Аннам представляет собою вассальное владение Китая, что в течение более 200 лет оно получало от него инвестиру и неукоснительно доставляло дань своему сюзерену — цинскому двору. В годы правления Тун-чжи и Гуан-сюй (в 1862—1875 и с 1875 г. по настоящее время) ввиду беспорядков, производимых в северных пределах Аннама местными разбойниками, аннамское правительство просило Китай [прислать] войско для истребления негодяев. Тогда китайское правительство направило туда свои войска, которые в местности Бэй-цзи (Тонкин) разновременно разгромили разбойничьи шайки... Более десятилетия военные действия, стоившие Китаю десятки млн [лянь], были ведены им для охранения Аннама как вассального владения, и это также известно всему миру. Несмотря на это, Франция без всякого повода затеяла войну и заняла Ханой и Нам-дин, лежащие в провинции Бэй-цзи. Китай ввиду общих торговых интересов не хотел легкомысленно нарушать согласие с Францией. Но кто же мог предположить, что ее агрессивной политике не будет конца!»¹⁸.

Для понимания франко-китайского военного конфликта из-за Вьетнама может представлять интерес копия донесения российского Поверенного в делах [А.И. Кояндера] от 5/17 июля

1883 г., отправленная генерал-губернатору Восточной Сибири А.Г. Анучину при сопроводительном письме А.Е. Влангали, тогдашнего товарища [заместителя] министра иностранных дел. В этом документе, в частности, отмечалась борьба интересов враждующих сторон: «С некоторого времени иностранные представители в Пекине, не исключая в известной степени и французского, играют роль зрителей драмы, разыгрывающейся на юге Китая, в Аннаме, нити которой сосредоточиваются в Париже. Китай, являющийся в этой драме одним из ее участников, пока обрекает себя на более пассивную роль, сознавая, может быть, свое бессилие успешно повлиять на ход и развязку драмы, в которой соперничающими началами выступают, с одной стороны, торговые и политические интересы Франции, а с другой, — старинные права и претензии [цинского] Китая на суверенные права над Аннамом»¹⁹.

Благодаря активному посредничеству российской дипломатии Франции удалось довольно быстро урегулировать конфликт с цинским Китаем из-за Вьетнама. Россияне, участвовавшие в оказании посреднических услуг в период франко-китайской войны, персонально указаны в донесении С.И. Попова от 28 февраля 1886 г. на имя министра иностранных дел Н.К. Гирса, где было сказано: «Французский Поверенный в Делах уведомил меня о пожаловании ордена Почетного легиона 12-ти пребывающим в Китае русским должностным лицам ведомства МИД, Военного и Морского [ведомств] и одного частного лица в знак благодарности Президента Французской Республики за услуги, оказанные Франции во время ее столкновения с Китаем... Имею честь просить [принять в награды] за первого секретаря [Н.Ф.] Ладыженского, первого драгомана [П.С.] Попова, доктора [С.] Величковского, консула в Ханькоу [П.А.] Дмитриевского, консула в Шанхае [Ю.] Рединга, управляющего консульством в Тяньцзине [М.П.] Шишмарева и за проживающего в Тяньцзине Селенгинского 1-й гильдии купца почетного гражданина [А.Д.] Старцева...». Среди лиц, представленных к высшей французской военной награде, в документах также указаны военный агент [военный атташе] Шнеур, барон Врангель, 3-й секретарь дипломатической миссии Михаил [Николай] Шуйский²⁰.

Несмотря на оскорбительный тон указа богдохана от 8 апреля 1885 г. (по поводу заключения перемирия с Францией) о необходимости принятия строгих предосторожностей ради того, чтобы до утверждения статей договора «коварное и лживое отродье» снова не нарушило [вероятного] союза и, пользуясь [удобным] случаем, не поднялось бы опять, представитель Франции Патенотр, как сказано в донесении С.И. Попова от 28 апреля 1885 г. к Н.К. Гирсу, «принимая в соображение, что он [этот указ] не опубликован, не нашел нужным протестовать... и, конечно, с точки зрения его правительства (мир с Китаем во что бы то ни стало) поступил благоразумно...»²¹.

Судя по телеграмме (на французском языке), отправленной С.И. Поповым 8/20 июня 1885 г. в С.-Петербург, принципиальные положения нового договора Франции с Цинской империей состояли в том, что Китай обязался в будущем уважать договоры, конвенции и иные нормативные акты, заключенные между Францией и Вьетнамом, при этом обеими сторонами было заявлено, что существующие взаимоотношения между Китаем и Вьетнамом по своему характеру не ущемляют достоинство китайской империи и нисколько не нарушают нынешнего договора»²².

В плане влияния франко-китайской войны на внешнюю политику цинского двора, искусно придерживавшегося традиционной доктрины о превосходстве Китайской империи над народами Вселенной, интересными представляются суждения русского дипломата Н.Ф. Ладыженского, ставшего с отъездом из Пекина С.И. Попова (5 марта 1886 г.) управляющим Российской дипломатической миссии в Пекине. Вот что он 5 марта 1886 г. сообщал Н.К. Гирсу: «Недавнее столкновение с Францией и проявление неожиданной для самого правительства богдохана силы сопротивления Китая доказали ему, насколько велики затруднения, которые предстанут всякой из держав Западной Европы в случае серьезных с ним недоразумений, и вселили в народ и правителей [этой страны], может быть, чрезмерное сознание своего могущества... [в результате] страх, который китайские саванники испытывали перед [западной] угрозой, сменился самоуверенностью. Надменность же их возросла до крайних пределов

и, может быть, недалеко то время, когда Китай, увлеченный преувеличенным понятием о своей силе, встанет на новый путь и выступит в новой роли — агрессивной...

Уступчивость с ним принимается в Китае как признак слабости и сдержанности, как признак болезни. Взгляды эти издавна были присущи государственным деятелям Китая, но едва ли высказывались прежде в той мере, в какой высказываются в настоящее время...

Крайняя умеренность и строгая справедливость [нашего] имп. правительства в сношениях с Китаем, искреннее миролюбие и наше терпение [ныне] не только не побудили Китай к тому, чтобы он, со своей стороны, умерил в большинстве своем чрезмерные требования, но, по-видимому, увеличили в нем надежду на большую уступчивость с нашей стороны»²³.

Примечательно, что, помимо приведенных выше суждений российских дипломатов в пользу независимого статуса Вьетнама в 80—90-е годы XIX в., об этом свидетельствовали также правительственные награды этой страны, адресованные иностранцам, в том числе отличившимся в подготовке или участии в международных конференциях либо за личный вклад в деле внедрения какого-либо нового вида производства в промышленности. Например, такие награды вручены за проведение в 1890 г. в С.-Петербурге IV Международного конгресса по лучшему порядку содержания заключенных и за личный вклад Якова Молчанова в производство плиточного чая в Китае. На это указывают указы Александра III за 1890 г. о разрешении соответствующим лицам права ношения иностранных орденов — Вьетнама и Камбоджи.

Существенным дополнением к приведенным выше донесениям российских дипломатов о мнимом вассалитете Вьетнама по отношению к цинскому Китаю в 80-е годы XIX в. вполне могут служить публикации известного востоковеда В.П. Васильева (1818—1900) о мнимом традиционном «верховенстве» цинского Китая над соседними странами, которые цинская дипломатия по-прежнему продолжала считать данниками богдохана, хотя реально их «вассалитет» оставался лишь на бумаге и в умах узкого круга лиц наиболее консервативной части правящей вер-

хушки Цинской империи. Об этом, в частности, свидетельствуют публикации русского ученого в газетах «Биржевые ведомости», «Восточное обозрение», «Новое время» и др. С точки зрения истории внешней политики цинского Китая наиболее ценны его статьи о франко-китайской войне 1884—1885 гг., о русско-китайских отношениях в связи с вопросом возвращения Цинской империи района Кульджи, временно занятого русскими войсками в 1871 г. в целях обеспечения политической стабильности в данном регионе²⁴.

Документальной основой для публикаций В.П. Васильева о современном цинском Китае служили, как правило, материалы китайской прессы, но в ряде случаев, особенно при рассмотрении вопросов русско-китайских отношений, ученый обращался к русским архивным документам, с которыми ему впервые довелось познакомиться еще в 1840 г. в Кяхте — перед отъездом в Пекин на 10-летний срок для изучения восточных языков.

Серьезное внимание В.П. Васильев уделял проблемам внешней политики цинского Китая, выделяя прежде всего вопрос о его взаимоотношениях с соседними азиатскими странами. В основе внешнеполитической доктрины Цинской империи, как отмечают многие исследователи, лежал «китаеццентризм». «Китайское правительство при нынешней династии, — отмечал В.П. Васильев в 1878 г., — только тем и бредило, чтоб весь свет припадал к его ногам; оно [издавна] всех считало своими вассалами и ни один государь на свете не смел сноситься с богдоханом»²⁵. Хотя тяжелые поражения цинских войск в ходе столкновений с западными державами и восстаниями некитайских народов, «принудили пекинский двор понурить голову», он продолжал тешить себя подобной иллюзией. «Китайского тщеславия, — писал В.П. Васильев в 1882 г. по этому поводу, — вы никак не искорените; оно не может допустить, чтобы на свете кто-нибудь мог претендовать на независимость»²⁶. Следуя этому принципу, предполагавшему верховенство Китая над другими государствами, чиновники, занимавшиеся приемом иностранных послов, сообщали о них как о «данниках» либо лицах, прибывших с «данью» от того или иного чужеземного правителя.

При этом, как отмечал В.П. Васильев, «непременно письмо каждого иностранного государя к богдыхану называлось докладом; в переводе этого письма на китайский этот государь выступал под названием подданного (непальский раджа в своем письме называл себя махараджей, что переводилось: раб)»²⁷.

При рассмотрении взаимоотношений цинского Китая с соседями, которые им считались вассалами либо признавали себя таковыми лишь формально (например, Корея, Вьетнам), В.П. Васильев указывал на определенную заинтересованность правителей «вассальных» стран в поддержании «даннических отношений», открывавших возможность, помимо доставки даров, вести в цинской столице и других местах торговые операции. «Припомним, что до сих пор, — подчеркивал русский востоковед в 1861 г., — народы, посылавшие к пекинскому двору посольства с данью, сокрушались только о том, что им не позволяли представлять этой дани чаще: за мелочною данью, следовавшею ко двору, за которую от него платилось все-таки свыше стоимости (по старинному правилу: давай больше, чем берешь), всегда следовали караваны купцов, которые, под защитой посольства, привозили свои товары и вывозили купленное, мало того, что беспошлинно, но еще и на казенных лошадях!»²⁸.

На экономическую заинтересованность соседей Китая в поддержании с ним «даннических» связей, В.П. Васильев указывал и в 1883 г. в связи с военным конфликтом Франции с Цинской империей из-за Вьетнама. «Мнимая дань, присылаемая в Пекин из так называемых вассальных государств, — отмечал ученый, — обходится Китаю дороже своей стоимости; кроме более дорогих отдарков, чем эта дань, правительство содержит на свой счет посланника со всей его свитой от вступления в пределы империи до обратного из них выезда; свита заключается в купцах с товарами, все это возится за казенный счет, охраняется конвоем». «Потому-то китайское правительство, — констатировал В.П. Васильев, — само назначало каждому государству сроки, чрез которые они могут присылать посланников с данью; каждое радо бы посылать хоть каждый год по несколько раз (как Корея), да Китаю это изнурительно. К кому оно благоволит, кто ему нужнее, того оно и принимает чаще. По этому

уже можно судить о том значении, которое оно придавало прежде вассальным отношениям Аннама, Бирмана (Бирмы. — А.Х.), Непала и проч.»²⁹. Неординарный подход, продемонстрированный В.П. Васильевым в трактовке китайского «вассалитета», позволил будущим исследователям этого вопроса лучше представить специфику взаимоотношений цинского Китая с окружающими его странами, среди которых были и отчасти независимые, и полностью самостоятельные государства.

Необходимо отметить, что подготовленные к печати материалы востоковедов не всегда публиковались в полном объеме, не говоря уже о сохранении редакторами особенностей их авторского стиля и творческого замысла. Примером редакционного вмешательства в оригинальный текст представленной статьи может служить случай с индологом И.П. Минаевым (1840—1890). Из первоначального варианта его статьи о франко-китайском конфликте из-за Вьетнама редакция изъяла важный авторский тезис о возможном возникновении войны между Францией и Китаем, что вскоре и произошло³⁰.

Разумеется, использование газетных публикаций русских востоковедов в исторических исследованиях должно быть крайне осторожным и критическим, с учетом особого характера текущей газетной информации и особенностей тогдашнего времени. При оценке этих публикаций следует помнить, что они создавались по «горячим следам» событий, под влиянием тогдашней политической конъюнктуры и на основе имевшегося под рукой материала (в том числе и газетного), который мог содержать не только неточную, но и ложную информацию. В публикациях подобного рода легко можно встретить опечатки, погрешности и явные ошибки, особенно же в написании восточных собственных имен и географических названий, для исправления которых исследователю необходимо обладать высоким уровнем профессиональной подготовки, предполагающей активное владение восточным языком (одним или несколькими). Для определения общественно-политической и научной значимости той или иной публикации необходимо учитывать характер каждого издания, место той или иной газеты в формировании общественного мнения изучаемой страны.

Примечания

¹ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. С. 162—163.

² Скачков Константин Адрианович (1821—1883) — известный российский китаевед и дипломат, сын разорившегося купца. Учился сначала в Петербурге — в течение пяти лет в Технологическом институте и в Университете, затем в Одессе, где в 1843 г. окончил физико-математическое отделение Ришельевского лицея. С 1849 по 1857 г. в качестве светского члена он находился при Российской духовной (православной) миссии в Пекине, где заведовал магнитно-метеорологической обсерваторией. Наряду с занятиями по астрономии его серьезно интересовало сельское хозяйство и различные производства в Китае. После возвращения в Петербург (ранее предполагаемого срока из-за болезни — чахотки), его в 1857 г. направили дипкурьером в Париж, а затем назначили консулом в Чугучак (Тарбагатай) в Западном Китае, где он находился до октября 1862 г. Выполняя обязанности переводчика 6-го класса в Азиатском департаменте МИД, он в 1865—1867 гг. преподавал китайский язык в С.-Петербургском университете. В 1867—1870 гг. его дипломатическая деятельность была связана с консульской службой в г. Тяньцзине. Впоследствии он являлся генеральным консулом в открытых для иностранной торговли портах цинского Китая (с резиденцией в Тяньцзине в 1870—1873 гг. и в Шанхае в 1875—1878 гг.). После возвращения в Петербург продолжал служить в Азиатском департаменте драгоманом вплоть до своей кончины, последовавшей 26 марта 1883 г. (по ст. стилю).

К.А. Скачковым опубликовано более 30 статей о Китае. Его богатая коллекция книг и рукописей на китайском и маньчжурском языках, собранная во время длительной службы в Китае, ныне находится в Российской Государственной Библиотеке (бывш. им. В.И. Ленина).

Подробнее см.: *Веселовский Н., Скачков К.А. // Журнал Министерства народного просвещения*, ч. ССХХVII, 1883, июнь. С. 98—103; *Скачков К.А. Пекин в дни тайпинского восстания*. М., 1958. С. 11—36; 347—350; *Мелнакснис А.И. Описание китайских рукописных книг и карт из собрания К.А. Скачкова*. М., 1974.

³ Российская Государственная Библиотека (М.), НИОР, ф. 273, картон 12, ед. хр. 4, л. 94.

⁴ ЦГИА Узбекистана, ф. 2412 (л/ф Битгера), оп. 1, д. 221, л. 17.

⁵ Евлампий — иеромонах (в миру Иванов Елисей Михайлович, 1822—1864) — китаевед и миссионер. Уроженец Золотоношского уезда Полтавской губернии, сын священника села Сеньковцы, служившего при Николаевской церкви. После окончания Переяславской духовной семинарии Елисея Иванова приняли в С.-Петербургскую духовную академию. В период обучения на высшем отделении академии его избрали кандидатом в новый состав Пекинской духовной миссии (на смену старому). В связи с предстоящим отъездом из С.-Петербурга в Китай он 9 октября 1848 г. принял монашеский постриг и был наречен Евлампием. 22 октября его утвердили в звании иеродьякона, а 30 октября — иеромонаха. Во время пребывания в Пекине с 1849 по 1859 г. он, являясь казначеем миссии, под руководством архимандрита Палладия (в миру Петр Иванович Кафаров, 1817—1878) занимался переводами китайских сочинений, брошюр и статей из газеты «Цзин-бао» («Столичный вестник»).

⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1385, оп. 1, ед. хр. 1737, л. 4. При цитировании архивных материалов датировка документов дается по старому стилю.

⁷ АВПРИ, ф. 340, оп. 874, 1843—69, д. 14, л. 54 (слева снизу вверх написано: «Прилагаемый пакет отправить с первой почтой»).

⁸ Письма Иннокентия. Вып. 2. СПб., 1898, с. 450. См. также: Хохлов А.Н. Святитель Иннокентий и его связи с российскими востоковедами // Святитель Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский, Апостол Америки и Сибири и его научное наследие. Материалы научной конференции. М., 2000. С. 33—42.

⁹ *Recueil d'itinéraires et de voyages dans l'Asie Centrale et l'Extrême Orient*. Paris, 1876. P. 63—161.

¹⁰ Кояндер Александр Иванович — российский дипломат, родом из дворян, поступил на службу в МИД 1 августа 1865 г. По окончании курса учебного отделения восточных языков, учрежденных при МИД, его сначала направили студентом в российскую дипломатическую миссию в Константинополь, затем он исполнял обязанности секретаря и драгомана в консульствах в Янине (Греция) и Трапезунде (Турция). В 1870 г. его отправили в российскую дипломатическую миссию в Пекине, где 1 июля 1871 г. назначили первым секретарем. В 1874 г. в связи с отъездом посланника А.Е. Влангали из Пекина он выполнял обязанности управляющего миссией. После 11-летней службы в Китае Кояндер 19 ноября 1884 г. отправился в отпуск из Пекина на юг стра-

ны, чтобы совершить путешествие в Россию морским путем (на пароходе из Гонконга).

Последующая служба А.И. Кояндера на дипломатическом поприще успешно протекала в должности дипагента в Египте, о чем свидетельствует подаренный ему русской колонией Каира сервиз изящной работы по случаю его назначения посланником в Лиссабон в 1902 г. В период службы в Португалии он 27 октября 1910 г. скоропостижно скончался (от сердечного приступа) в местечке Уши (недалеко от Лозанны) Швейцарии.

См.: С.-Петербургские ведомости, № 3386 (10/23 декабря 1902 г.); Новое время, № 12439 (28 октября/10 ноября 1910 г.); Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. ДЛС и ХД, оп. 713, 1861—1887, д. 14, л. 16—17.

Трудно согласиться с характеристикой, данной Ф.Р. Остен-Сакеном энергичному и доброжелательному к людям А.И. Кояндеру в своем дневнике, где сказано: «Ничего не могу сказать про Кояндера, ни в хорошем, ни в дурном смысле. Служил с ним некоторое время в Азиатском департаменте [МИД], а потом встретился [с ним] в Константинополе, и больше ничего. Кажется, [он] человек — веселый». См.: РГАДА, ф. 1385, оп. 1, ед. хр. 1325, л. 86.

¹¹ АВПРИ, ф. СПб. Главный Архив I-1, оп. 781, 1880—1882, д. 486, л. 22.

¹² Бюцов Евгений Карлович (род. 7 июля 1837 г. — умер 17 октября 1904 г.) — российский дипломат, родом из дворян. По окончании учебы в имп. Александровском лицее высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 6 июня 1856 г. был определен на службу в Главное Управление Восточной Сибири (в чине титулярного советника). По прибытии в Иркутск генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев назначил его секретарем по дипломатической части при своей канцелярии. Вместе с Н.Н. Муравьевым он участвовал в переговорах с цинскими властями, в результате которых 16 мая 1858 г. был подписан Айгуньский договор, определивший русско-китайскую границу в Приамурье и Приморье. С этим договором Е.К. Бюцов был отправлен курьером в Петербург, где 16 октября его перевели на службу в МИД, после чего с новым дипломатическим поручением отправили курьером обратно в Иркутск. Приказом по внешнеполитическому ведомству от 22 января 1862 г. он был назначен российским консулом в г. Тяньцзинь.

Как видно из формулярного списка, составленного в 1893 г., Е.К. Бюцова 6 марта 1865 г. назначили консулом в Японию, в г. Хако-

дате, где ему в практической работе отчасти пригодились первые уроки китайского языка, полученные в Тяньцзине. В связи с отъездом российского посланника А.Е. Влангали из китайской столицы ему довелось управлять Российской дипломатической миссией в качестве Поверенного в делах с 1 апреля 1869 по 15 октября 1870 г. 1 января 1871 г. его назначили Поверенным в делах и генеральным консулом в Японии, а 15 мая 1873 г. — чрезвычайным посланником и полномочным министром в Пекине, где он оставался в этом звании до отъезда в 1883 г. в связи с добровольным уходом на пенсию (в чине тайного советника).

В последующие годы Е.К. Бюцов как образцовый семьянин и обладатель поместья в Курской губернии продолжал свою дипломатическую карьеру, выполняя обязанности посланника в Греции (с 1884 г.), в Персии (с 1890 г.) и Швеции (с 1887 г.) вплоть до своей кончины. См.: АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, формулярные списки, оп. 464, д. 355 и 542-а; С.-Петербургские ведомости, № 297 (19 октября/1 ноября 1904 г.).

¹³ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-1, оп. 781, 1880—1882, д. 486, л. 238.

¹⁴ Вебер Карл Иванович — российский дипломат и востоковед. Согласно формулярному списку, он родился 5 июля 1841 г. в немецкой семье лютеранского проповедника. По окончании С.-Петербургского университета, куда Карл Вебер поступил в апреле 1861 г., его приняли на службу в МИД и в октябре 1865 г. определили студентом дипломатической миссии в Пекине (с выдачей, в соответствии с положением от 10 декабря 1863 г., двойной суммы на проезд от С.-Петербурга до Кяхты). В октябре 1870 г. он становится вице-консулом российского генконсульства в Японии (с последующим в марте 1871 г. производством из титулярного советника в коллежского). В качестве российского консула в Тяньцзине Вебер в июне 1884 г. отправился в Корею, где 25 июня в Сеуле заключил первый русско-корейский договор, положивший начало регулярным официальным дипломатическим связям России с Кореей. С учреждением в апреле 1885 г. постоянной российской дипломатической миссии в Сеуле его назначили Поверенным в делах Кореи, а 25 апреля 1888 г. он стал генеральным консулом; в 1886 г. удостоился французского ордена Почетного легиона, который был вручен ему лично в Сеуле в 1888 г.

В феврале 1896 г. корейский король Коджон в целях личной безопасности (после убийства королевы в результате японских интриг) тайно перебрался из своего дворца в российскую дипломатическую миссию. С учетом дипломатических заслуг К. Вебера именно ему было

предложено в 1902 г. отправиться в Сеул, чтобы вручить высший российский орден Андрея Первозванного корейскому императору Коджону по случаю его 40-летнего управления страной. После возвращения на родину опытный российский дипломат — свидетель многих перемен в современной ему Корее, обратился к изучению ее истории, результаты чего стали важным дополнением к его научным трудам. Высокая оценка последних отчетливо видна в приглашении его к участию в коллективных научных работах, связанных с картографией и лингвистикой. Скончался К. Вебер в 1910 г. (похоронен в Германии).

См.: АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, формулярные списки, оп. 464, д. 606; ф. СПб. Главный архив IV-2, 1870—72, д. 1; ф. Китайский стол, 1904—1917, д. 1964; Архив востоковедов Института восточных рукописей (СПб.), ф. 14, оп. 2, д. 64.

¹⁵ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-1, оп. 761, 1883—1886, д. 487, л. 63—64.

¹⁶ Попов Сергей Иванович — российский дипломат, родом из дворян. По окончании учебного отделения восточных языков при МИД его как слушателя, принятого на эти курсы 10 августа 1839 г. и прошедшего полный курс обучения, 25 мая 1842 г. (в возрасте 20 лет) определили студентом российской дипломатической миссии в Константинополе (в чине коллежского регистратора). С последующим производством его в губернского секретаря 25 марта 1844 г., он был назначен секретарем генконсульства в Сербии, затем 5 мая 1850 г. управляющим консульством в Яссах, а 29 апреля 1859 г. — консулом.

Как видно из письма директора Азиатского департамента МИД А.И. Зиновьева, бывший консул в Марселе С.И. Попов, принимавший участие в похоронах архимандрита Палладия (П.И. Кафарова) в г. Нице в 1878 г., отправился из С.-Петербурга в Кяхту (на российско-китайскую границу) 9 июля 1883 г. и согласно письму Н. Гомбоева, начальника русской почты в Пекине, к П.А. Дмитриевскому от 5 октября 1883 г. прибыл (с женой) только 28 сентября в китайскую столицу. Его дальнейшее пребывание в столице цинского Китая продолжалась до марта 1886 г., когда с прекращением военного конфликта Франции с Китаем он смог отправиться кружным морским путем (мимо стран Юго-Восточной Азии и Индии) в Марсель.

5 февраля 1909 г. С.И. Попову «всемилоостивейше разрешено [царем] бессрочное проживание за границею», что позднее позволило ему переехать на жительство в Швейцарию.

См.: АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, оп. 462, д. 2723; ф. СПб. Главный архив IV-2, 1883, д. 4, л. 33—36; Архив востоковедов Института восточных рукописей (СПб.), ф. 14, ед. хр. 74.

¹⁷ АВПРИ, ф. 327, оп. 579, 1883, д. 300 л. 22.

¹⁸ Там же. Л. 23.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив У—Аз, 1886, д. 2, с. 33.

Подробнее о российском купце Алексее Дмитриевиче Старцеве (внебрачном сыне декабриста Н. Бестужева) см.: Хохлов А.Н. Алексей Старцев — коммерсант, дипломат и просветитель // XXVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1998, ч. II. С. 234—249.

²¹ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив У—Аз., 1885, д. 1, л. 5.

²² Там же.

²³ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив У—Аз., 1886, д. 2, л. 43—44.

²⁴ См.: Голос. 1877. № 64; 1878. № 28. 351, 254, 355; 1879. № 3 и др.

²⁵ Васильев В.П. Настоящий восточный вопрос (II). // Голос, № 25 (25 января/6 февраля 1878 г.).

²⁶ Васильев В.П. Наши отношения к Китаю // Восточное обозрение, № 8 (1882).

²⁷ Васильев В.П. Столкновение Франции с Китаем // Восточное обозрение, № 46 (17 ноября 1886). С. 1.

²⁸ Васильев В.П. Воспоминание о Пекине // Северная пчела. № 9 (12 января 1861 г.).

²⁹ Васильев В.П. Столкновение Франции с Китаем // Восточное обозрение, № 46 (17 ноября 1886 г.).

³⁰ См.: Новое время, 1883, № 2777; Архив востоковедов Института восточных рукописей (СПб.), ф. 39, оп. 1 ед. хр. 144.

Часть пятая ФИЛОЛОГИЯ

Е.И. Тюменева

О РОЛИ МЕТРИЧЕСКИХ И ЭВФОНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВО ВЬЕТНАМСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Фразеологический фонд любого языка представлен различными формами, каждая из которых имеет свои отличительные черты. Классификация фразеологизмов и критерии выделения отдельных классов являются темой научных дискуссий, точка в которых еще не поставлена. Большинство авторов относит к фразеологии все сочетания слов, для которых характерно три основных параметра: «принадлежность к номинативному инвентарю языка, признак полной или частичной идеоматичности, а также свойство устойчивости, в той или иной степени ее вариабельности, проявляющееся в абсолютной или относительной воспроизводимости сочетаний слов в “готовом виде”»¹. Этим трем параметрам в полной мере соответствуют два основных типа вьетнамских паремий: *тукнгы* (tục ngữ) и *тханьнгы* (thành ngữ).

Большинство вьетнамских авторов определяют *тукнгы* как законченное предложение, содержащее какое-либо суждение или идею². В свою очередь *тханьнгы* являются устойчивыми